

УДК 3.32

Н. В. Казаринова, А. М. Огороднова*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МОДУС ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается аналитический потенциал понятия «негативная коммуникация» в исследовании политического взаимодействия. Обосновывается идея о том, что эмоциональная составляющая выполняет функцию проблематизации сложившейся структуры и/или сценария любого коммуникативного взаимодействия. На примере нескольких опубликованных в средствах массовой информации материалов, посвященных взаимодействию политических лиц с рядовыми гражданами, показываются возможности интерпретации особенностей политической коммуникации в рамках прагматико-ориентированного подхода.

Политическая коммуникация, негативная коммуникация, неопрагматизм, социальная дистанция, коммуникативный сбой

Настоящей статьей мы включаемся в научную дискуссию о правомерности использования словосочетания «негативная коммуникация» в понятийном ряду социального знания и его потенциала в исследовании политического взаимодействия. Мы хотим показать, что в рамках прагматико-ориентированного «методологического формата» понятие «негативная коммуникация» предстает не как оценочный термин, но как аналитический инструмент для обозначения одного из принципов структурной организации социального взаимодействия и тем самым позволяет переосмыслить и увидеть ранее не выявленные сценарии решения ряда коммуникативных проблем.

Методологические ресурсы. Напомним, что именно в прагматико-ориентированных направлениях социальных наук осуществляется концептуализация практических действий индивидов или, иначе говоря, того, что люди делают, когда они действуют [1]. Отметим принципиальные для нашей работы методологические допущения прагматизма.

• Антииндивидуалистическая направленность, отказ от дихотомии. Как подчеркивает Анселм Стросс, «в работах прагматистов можно видеть постоянную борьбу с отделением, дихотомизацией или противопоставлением того, что, как они полагают, должно быть соединено: знание и практика, среда и актор, биология и культура, средства и цели, тело и разум, материя и сознание, объект и субъект, логика и открытие, непрофессиональная и научная мысль, необходимость и случайность, когнитивное и некогнитивное, искусство и наука, ценности и действие» [2]. Принцип дихотомии сторон отвергается в пользу принципа их взаимного конституирования: целое возникает в процессе взаимодействия частей и, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на эти части; индивид развивается только в более широком социальном окружении, но в направлении моральной автономии и способности критически относиться к сообществу; цели и средства действия также находятся в реципрокных отношениях, то есть цели действия конкретизируются лишь в результате определения средств, которые должны использоваться, и т. д.

• Принцип ситуативности. Соотнесенность человеческого действия с ситуацией конститутивна, то есть цель и смысл не заданы заранее, но конституируемы в процессе intersubъективного взаимодействия. Ситуация рассматривается как процесс, в ходе которого заданные обстоятельства постоянно заново конструируются людьми в ходе интеракций, при этом нередко получаются не такими, какими их задумывали. Допущения, что мотивы действия создаются только через само действие, что постановка цели – это результат ситуации, в которой действующий субъект оказывается перед препятствием, мешающим ему продолжать реализацию дорефлективных способов действия, что принятие решения о выборе действия происходит на основе рефлексивного отношения к пережитому в ситуации вызову, позволяют, по мнению сторонников неопрагматизма, преодолеть субъективистскую интерпретацию процесса определения ситуации [3, с. 178–180].

• Принцип инструментализма, согласно которому познание – это умение решать проблемы, вид делания или действия, направленного на преобразование материала опыта. Жизнь осмысливается как смена ситуаций, которые люди воспринимают как проблемы, требующие решения (адаптации). Место, которое занимают проблемы в жизненном процессе людей, объясняет интерес прагматизма к локальному (ситуативному) и прикладному (практическому) видам знания. Мир представляется с точки зрения индивида или группы, непосредственно переживающих те или иные события или ситуации. Любое человеческое действие видится между полюсами нерелексируемых привычных действий и креативных достижений. С одной стороны, подчеркивается важность рутинизированного прошлого опыта – привычки – как того, что направляет поведение. Однако вера и связанные с ней рутинные действия постоянно рушатся; изменяется привычный, кажущийся автоматическим ход действия, что вызывает фазу реального сомнения. Преодолеть эту фазу позволяет только реконструкция нарушенной взаимосвязи. Изменение привычек (отказ от старых, уже не оправдывающих себя, и выработка новых, более полезных и эффективных) становится универсальным средством осуществления желательных изменений в любой сфере общественной жизни. Эта реконструкция и есть креативная работа действующего субъекта, совпадающая по существу с процессом познания [3, с. 144–145].

Приведенные методологические установки прагматизма соотносимы с реляционной онтологией, которая постулирует фундаментальность социальных отношений, вписанность единичного действия в контекст отношений, конститутивную роль языка в социальном взаимодействии [4]. Реляционная онтология методологически востребована традициями в области теории коммуникации, предлагающими рассматривать коммуникацию как первичный социальный процесс, в рамках которого конструируются персональные идентичности, социальный порядок и коды коммуникации.

Следование принципам прагматизма неизбежно выводит в качестве одной из центральных исследовательских проблем структурную организацию социального взаимодействия. Структурные характеристики коммуникативных действий и процессов, детерминирующие возникновение / сохранение / трансформацию ресурсов (само)идентификации, самоподтверждения и личностной значимости индивидов, и конституирующие участников коммуникации как партнеров по общению, можно подразделить на относящиеся к: а) принципам связи между элементами системы; б) уровневой организации взаимодействия; в) паттернам интеракции. В этом исследовательском поле разработан ряд концепций, полезных для осмысления феномена негативной коммуникации. Обратим внимание на следующие три.

1. *Двухуровневая структура социальной коммуникации.* Идея о том, что любая коммуникация предполагает два уровня, или значения, была предложена Грегори Бейтсоном и получила развитие в работе группы исследователей из Пало-Альто, а именно в книге П. Вацлавика, Ж. Бивин и Д. Джексона «Прагматика человеческой коммуникации»¹. Одна из аксиом коммуникации, сформулированная в этой работе, фиксирует положение о том, что любая коммуникация имеет уровень содержания и уровень отношения. Согласно ее авторам, в процессе коммуникации передается не только информация (уровень содержания), но одновременно посредством экспрессивных вербальных и невербальных действий детерминируется характер отношений между коммуникаторами (уровень отношений), а именно то, какими мы видим (или хотим видеть) себя, другого и наши отношения. «На уровне отношений люди не осуществляют коммуникацию по поводу фактов, находящихся за пределами их отношений, а предлагают друг другу определение этих взаимоотношений и, косвенным образом, самих себя <...> как бы ни складывалась коммуникация на содержательном уровне, прототипом метакоммуникации будет “Вот так я вижу себя” (на самом деле, это нужно понимать как “Вот так я вижу себя по отношению к тебе в данной ситуации”, но в целях упрощения опустим часть, выделенную курсивом)» [5, с. 101–102]. П. Вацлавик и другие показали, как явная или скрытая акцентуация уровня отношений между конкретными лицами, несинхронный сдвиг коммуникативных действий партнеров с уровня содержания на уровень отношений и наоборот становятся источником возникновения бесконечных проблем между людьми.

2. *Паттерны взаимодействия.* Свойство структуры упорядочивать, стабилизировать взаимодействие между ее элементами фиксируется понятием «паттерн взаимодействия». П. Вацлавик и его коллеги использовали данное понятие для обозначения структуры повторяющейся, продолжающейся коммуникации, подчеркивая, что «паттерн – это информация, передаваемая осуществлением некоторых событий и неосуществлением других. Если все возможные события данного класса случаются с равной вероятностью, здесь нет паттерна и нет информации» [5, с. 147]. Стабилизация определения коммуникации была названа Д. Джексоном правилом коммуникации [5, с. 166]. В продолжающихся отношениях отсутствие стабильности становится проблемой, которая не может быть оставлена неразрешенной: если процесс не стабилизировался, значительные вариации, излишняя громоздкость, не говоря уже о неэффективности переопределения отношений на каждом этапе обмена, приведут к выходу отношений из-под контроля и их распаду.

Е. Л. Доценко описывает те же проблемы стабилизации, используя понятие «межличностные отношения», которым отводится роль стабилизирующей (инерционной) основы, структурирующей общение. Отношения представляют собой «устойчивые формы объединения людей, наполненные специфическим предметным содержанием, эмоциональным тоном, направленностью и инструментальным обеспечением. Данный механизм является одним из средств снижения неопределенности мира и непредсказуемости поведения людей. <...> В отношениях находит выражение стремление субъектов приостановить момент, чтобы а) получить ощущение устойчивости, б) понять, отразить мир, уловить содержание, установить связь, в) обеспечить возможность прогнозировать будущее» [6, с. 153].

---

¹ Watzlawick P., Beavin J. H., Jackson D. D. *Pragmatics of Human Communication: A Study of Interactional Patterns, Pathologies, and Paradoxes.* New York: Norton, 1967. На русском языке изданы два перевода этой книги: 1) Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. *Психология межличностных коммуникаций* / пер. с англ. И. Авидон, П. Румянцева. СПб.: Речь, 2000. 300 с.; 2) Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. *Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия* / пер. с англ. А. Суворовой. М.: Апрель-Пресс; ЭКСМО Пресс, 2000. 320 с.

3. *Прагматические режимы вовлеченности.* Еще одна плодотворная идея, касающаяся процесса структурирования социальных отношений, предложена французскими социологами Лораном Тевено и Люком Болтански, разрабатывающими так называемую прагматическую социологию. Они ввели понятие «прагматические режимы вовлеченности» (*pragmatic regimes of engagement*) для описания форм существования социального агента в рамках множественных социальных миров – от уровня отношений между близкими (дружба, семья, любовь) до уровня максимально публичных пространств социального взаимодействия (общественные и политические движения и т. д.). Каждый режим характеризуется собственным типом реальности (являющейся причиной или объектом тех или иных действий агентов) и собственной формой «общего блага» (определяющей характер критических оценок и суждений ценности), а также предполагает наличие у социальных акторов соответствующей данному режиму практической компетентности и умения переходить от режима к режиму. Отсутствие необходимой квалификации продуцирует зоны напряжения [7].

Приведенные выше концепции, выявляя исходные шаблоны социальных действий, их структуру и формы репрезентации, фиксируют необходимость особых усилий для достижения согласованности и стабильности отношений, в которые вовлечены участники коммуникативного взаимодействия. Один из ведущих социальных конструкционистов Дж. Шоттер подчеркивает: «...Мы не начинаем с того, что понимаем речь других людей посредством схватывания тех идей, которые они предположительно вкладывают в свои слова, после чего переводим эти идеи на практику. Это, скорее, особый случай, чем правило. На практике разделенное понимание достигается лишь случайно. <...> Если подобное происходит, то лишь тогда, когда люди начинают проверять и контролировать разговор между собой с помощью вопросов, их изменения, переформулировок и разработки и т. п. Разделяемое понимание связано с переговорами или “социально конструируется” между участниками на протяжении определенного времени, в ходе длительного обсуждения» [8, с. 10].

Иными словами, структура коммуникативного действия, предполагая исходное различие позиций участвующих сторон, лишь потенциально может трансформироваться в единый для участников коммуникации контекст, благодаря координированию их действий, настройки друг на друга. С. С. Гусев использовал для описания этой особенности процесса коммуникации понятие «логика дискретности». Когда позиции участников коммуникации оказываются слишком различающимися, или коммуникативное поведение собеседника слишком сильно отличается от того, на которое ориентировался автор передаваемого сообщения, в коммуникации возникают разрывы между фазами, общение становится дискретным, ответная реакция чаще всего просто не воспринимается в качестве осмысленной. Возможный разрыв не может быть преодолен с помощью обычных правил следования, а потому один из участников диалога осуществляет переход к какому-то иному спектру ожидания, что может существенно менять всю ситуацию общения в целом. Поэтому следует говорить скорее об использовании своеобразной «неявной логики», учитывающей не только реально представленные коммуникативные акты, но и те, которые могли быть осуществлены, однако остались нереализованными. Можно предположить, что в действительности достаточно сложные коммуникативные процессы регулируются как минимум с двух сторон [9].

Понятие негативной коммуникации, на наш взгляд, позволяет проблематизировать разрывы в структуре коммуникативного взаимодействия, требующие «настройки». Феноменологически эти состояния проявляются экспрессивно, сдвигом в метакоммуникатив-

ный план отношений, эмоциональным переживанием дискомфорта. В этом смысле определение «негативный» обращено к эмоциональному модусу коммуникативного действия. Вместе с тем считаем важным подчеркнуть, что в предлагаемом нами толковании негативной коммуникации значение имеет не индивидуальное переживание так называемых негативных эмоций¹, но сигнализация о коммуникативном сбое в ходе взаимодействия.

Интересно, что этимология слова «негативный», наряду с доминирующим значением «отрицательный» (от лат. *negativus* – «отрицательный», «отрицающий»), связана и с термином «негатив» («изображение на светочувствительной пленке или пластинке, на котором светлые места получаются темными, а темные – светлыми»). Тем самым создается семантическое поле, включающее такие слова, как «оборóтка»; «первый снимок, с которого берут потом прямые, правые снимки»; «обратный», «противень» [10]. Возникающие ассоциативные смыслы, например «относительность противопоставления», «стимулирование противоположным» и пр., на наш взгляд, плодотворны для разработки понятия «негативная коммуникация». Последнее мы предлагаем предварительно определить как обмен сообщениями, истолкование которых затрудняет возможность достижения взаимопонимания / связанности / взаимности между участниками коммуникативного взаимодействия, дезориентирует относительно последующих коммуникативных шагов участников взаимодействия.

Политическое взаимодействие как негативная коммуникация. Для проверки аналитических возможностей понятия «негативная коммуникация» рассмотрим несколько примеров коммуникативного взаимодействия, одной из сторон которого выступают политические фигуры, а их адресатом – рядовые граждане. Мы используем классическое веберовское определение понятий «политика» и «политическое»: «Политика, судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе включает. В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это “политический” вопрос, о министре или чиновнике: это “политический” чиновник, о некотором решении: оно “политически” обусловлено, – то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти “ради нее самой”, чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает» [11, с. 645].

Выбранная для анализа область политических контактов политиков и рядовых граждан – «благодарный» предмет для демонстрации жанрового, тематического, поведенческого разнообразия негативной коммуникации. Коммуникативное пространство политической коммуникации асимметрично: одни (политики) в силу своей профессии принимают решения, обязательные для других (рядовых граждан), принужденных подчиняться политическим решениям. Структурное неравенство продуцирует «ловушки» негативной коммуникации, т. е. неиз-

---

¹ В социально-конструкционистской традиции невозможно определять какие-то конкретные эмоции исключительно как положительные или отрицательные. Любые эмоции и чувства, будь это радость или любовь, гнев или стыд, в различных обстоятельствах могут приобретать положительные или отрицательные значения. Общим принципом является то, что переживание положительных эмоций сопровождается сдвигом ожиданий в сторону решения каких-то жизненных задач, тогда как эмоции с отрицательным значением – указатель на фиксацию неконструктивного шаблона поведения.

бежный сдвиг коммуникации с уровня содержания на уровень отношений. Для одной из сторон это способ демонстрации и поддержания своей влиятельности, для другой – проверка обоснованности такого рода притязаний на политическую значимость.

Аналитическую ценность для понимания того, как реализуется «логика дискретности» в общении с политиками, имеет зафиксированный рядом социальных психологов сценарий «развращения» властью.

Дэвид Кипнис в своей книге «Имеющие власть» определил пять взаимосвязанных этапов развращения личности властью [12]:

1. Доступность средств давления увеличивает вероятность того, что власть будет использована.

2. Чем больше используется власть, тем выше уверенность ее обладателя, что он контролирует действия партнера.

3. Поскольку обладатель власти берет ответственность за действия подчиненного на себя, постольку последний кажется ему менее заслуживающим уважения, менее значимым.

4. По мере снижения уважения и значимости подчиненного увеличивается социальная дистанция между сторонами. Девальвируя людей, не обладающих властью, субъекты власти начинают избегать близких отношений с ними.

5. Доступность и использование власти повышает самоуважение ее обладателя. Это проявление сопровождается встречной самодевальвацией тех, кто властью не обладает. Вместе с тем рост чувства превосходства, самовозвеличивания, как правило, сопровождается освобождением от моральных принципов и стандартов.

Рассмотрим опубликованные в региональных СМИ три вполне типичные истории на тему «политик и рядовой гражданин».

История 1. Опубликована в ежедневной беспартийной незарегистрированной газете журналиста и гражданского активиста Олега Кашина 27 авг. 2015 г. [13].

Екатерина Ерофеева, 64-летняя жительница поселка Пяльма (Пудожский район, Республика Карелия) на встрече с губернатором Карелии Александром Худилайненем пожаловалась, в каких жутких условиях ей приходится жить: дом разваливается, туалета нет даже на улице, и самое трагическое – проблема с дровами. На вопрос, почему перестали пенсионерам компенсировать стоимость дров, последовал резкий ответ губернатора: «Забудьте об этом! Бесплатные дрова были только при коммунизме!» Как рассказывают очевидцы, женщина побледнела и медленно осела на землю. Медики констатировали смерть от инфаркта. Несмотря на трагическое происшествие, губернатор продолжал свое выступление.

История 2. Опубликована на странице популярного видеохостинга «YouTube» [14].

Во время прямого телевизионного эфира «Диалоги с областью» с участием губернатора Новгородской области Сергея Митина дозвонившийся по телефону местный житель, явно волнуясь и уточнив, что смотрит программу не с самого начала, спрашивает: «Губернатору вот такой вопрос. Очень хочется узнать, наказали хоть одну управляющую компанию из сферы жилищно-коммунального хозяйства, которые издеваются над местными жителями?» Ответ губернатора: «Смотреть программу надо было с самого начала, тогда бы все узнали. Для вежливости губернатора можно было назвать по-другому. Все, спасибо. Какой вопрос – такой ответ. Надо уважать друг друга и как следует уважать друг друга».

История 3. Рассказана очевидцами-журналистами [15].

В 2013 г. в профессиональном медиасообществе широко обсуждалась история, случившаяся на заседании правительства Новгородской области. Губернатор области

С. Митин прервал протокольное мероприятие вопросом, находится ли в зале представитель издания «Прямая речь». Оказалось, что областные чиновники обнаружили опубликованный в этом интернет-издании материал под заголовком «Новгородский губернатор Митин пожалуется в прокуратуру на работу своих подчиненных». Назвав журналистов «нерадивыми малограмотными писаками», чиновник заявил, что заголовок статьи не отражает действительность, что на самом деле губернатор поручил специалистам подготовить обращение в прокуратуру по поводу невыполнения указов президента. Поскольку речь шла о главах муниципальных районов, которые были избраны, они никак не могли быть подчиненными губернатора. В ответ на выступление чиновника правление местного отделения Союза журналистов России распространило заявление с осуждением формы обращения власти с журналистами, требованием принести журналисту извинения и не позволять себе впредь подобного тона в общении со СМИ. В заявлении утверждалось, что в регионе нарушаются нормы «Закона о СМИ» и создаются препятствия для выполнения журналистами своей профессиональной деятельности.

Для анализа приведенных историй как проявлений негативной коммуникации в политической сфере принципиальное значение имеет включенная в них эмоциональная экспрессия участников взаимодействия. Трагический эпизод в первой истории, хамское поведение политического персонажа во второй и третьей, возмущенное сопротивление журналистов в третьей одновременно предстают как стилистические приемы привлечения внимания читателей / слушателей и в то же время как специфические маркеры коммуникативных разрывов, принципиальных несовпадений «режимов вовлеченности» участников коммуникации, создающих и удерживающих социальное дистанцирование между ними.

Преодоление негативной коммуникации, ее трансформация в процессы координации, согласований и т. п. предполагает сдвиг с уровня отношений к уровню содержания, то есть к решению профессиональных задач. Одним из ресурсов, делающим такой сдвиг возможным, может стать так называемая «эмоциональная работа» в том смысле, который вкладывают в это понятие А. Хохшильд и др. [16, с. 339–354]. Для слаженного протекания социального взаимодействия и достижения целей участвующие в нем индивиды управляют эмоциями, осуществляя эмоциональную работу (*emotional work*), то есть действия, направленные на изменение интенсивности или качественных характеристик эмоций. Подчеркнем, что Хохшильд, как правило, не описывает конкретные эмоции, возникающие в ситуации взаимодействия. Важно, что индивиды знают, какие эмоции следует переживать / обнаруживать в данной ситуации. Эмоциональная работа осуществляется в рамках эмоциональной культуры, формирующейся в обществе в целом и в той группе, к которой принадлежит индивид, включающей представления о том, что люди должны чувствовать в разных типах ситуаций.

Таким образом, понятие «негативной коммуникации» может выступить «активатором» разработки ряда понятий, фиксирующих, выявляющих и уточняющих экспрессивный модус социальных и политических действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Deming R. Beginning to Begin Again: The End of the Century and Pragmatism's Revival. Review Essays // American Studies International. June 1999. Vol. XXXVII, No. 2. P. 90–98.
2. Strauss A. Continual Permutations of Action. New York: Aldine de Gruyter. 1993 // Ansell C. Pragmatism and organization. URL: <http://www.polisci.berkeley.edu/faculty/bio/permanent/Ansell,C/Pragmatism.pdf> (дата обращения: 24.06.2016).
3. Йоас Х. Креативность действия / пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.

4. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // The American J. of Sociology. 1997. Vol. 103, Iss. 2. P. 281–317.

5. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций / пер. с англ. И. Авидон, П. Румянцева. СПб.: Речь, 2000. 300 с.

6. Доценко Е. Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО, 1998. 202 с.

7. Thévenot L. Pragmatic regimes governing the engagement with the world // The practice turn in contemporary theory / ed. by T. Schatzki, C. K. Knorr, E. von Savigny. New York: Routledge, 2001. P. 56–73.

8. Shotter J. The social construction of our 'inner' lives // J. of Constructivist Psychology. 1997. URL: <http://www.massey.ac.nz/~alock/virtual/inner.htm/> (дата обращения: 24.06.2016).

9. Гусев С. С. Логика дискретности // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы VII Общерос. науч. конф. 20–22 июня 2002. СПб., 2002. С. 228–230.

10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-19005.htm/> (дата обращения: 15.06.2016).

11. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

12. Kipnis D. The powerholders. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 230 p.

13. Что случилось 27 августа. Обзор Марии Березиной // Ежедневная русская беспартийная незарегистрированная газета «Кашин». URL: <http://www.kashin.guru/2015/08/27/27aug-2/> (дата обращения: 25.06.2016).

14. Губернатор Новгородской области С. Митин в программе «Диалог с областью». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZT5mLn17I7M/> (дата обращения: 20.06.2016).

15. Лаврова О. Ольга Лаврова о происшествии на заседании правительства и заявлении СЖР. URL: <http://vnnews.ru/social/34320-olga-lavrova-o-vcherashnem-proisshествии-na-zasedanii-pravitelstva-i-rasprostranennom-v-svyazi-s-nim-zayavlenii-sjr.html/> (дата обращения: 23.06.2016).

16. Симонова О. А. Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. Р. Хохшильд // Журн. исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 3. С. 339–354.

N. V. Kazarinova, A. M. Ogorodnova
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

EMOTIONAL MODUS OF POLITICAL COMMUNICATION

The article is devoted to the analytical potential of the "negative communication" concept in sociological and political studies. The basic idea is that the emotional component of social action reveals structural and dynamic problems of any communicative interaction. The possibilities of the "negative communication" concept in the framework of pragmatically-oriented approach are shown by the example of some media publications devoted to interaction of politicians and ordinary citizens.

Political communication, negative communication, neopragmatism, social distance, communication failure

---